

⁷ См.: Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. Н. Новгород, 1997. С. 12.

⁸ См.: Лекторский В.А., Швырев В.С. Методологический анализ науки (типы и уровни). С. 9.

⁹ См.: Зорин Г.А. Криминалистическая методология. Минск, 2000.

¹⁰ См.: Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. М., 1969. С. 14.

¹¹ См.: Зорин Г.А. Криминалистическая методология. С. 6.

¹² См.: Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. С. 10; Педагогика и логика. М., 1992. С. 51.

¹³ См.: Криминалистика: Учеб. для вузов / Под ред. Р.С. Белкина. М., 2000. С. 42.

¹⁴ См.: Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. С. 10.

Процессы социальной либерализации как фактор ужесточения уголовного преследования личности

О.В. ХОМЯКОВ – старший преподаватель кафедры боевой и тактико-специальной подготовки ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук

В статье рассматривается либерализация общественного сознания в России и ее непосредственное влияние как на инициирование деструктивных действий, так и впоследствии на ужесточение уголовного преследования личности. Автор опровергает устоявшиеся стереотипы о либеральном общественном идеале как об универсальном и идеальном. Статья приобретает особую значимость в связи с последними инициативами Президента и Правительства России по реформированию уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: либерализация общественного сознания; социальная либерализация; либерализм; пенитенциарная политика.

Построение цельной объективной картины становления и эволюции российского либерализма является возможным при анализе не только либеральных инициатив «сверху», но и при рассмотрении деструктивных реакций личности «снизу» на эти инициативы. Либеральные идеи «проникают на российскую почву» с середины XVIII в. Особенности развития либерализма в России в этот период принято считать следующие. Во-первых, либерализм выступал как некая форма духовной активности элиты дворянства, воплотившаяся в идеях и текстах теоретиков, пытающихся реализовать свой научный потенциал в интересах власти, а во-вторых, как некий элемент интеллигентского сознания, призванный согласовать почвеннические, крестьянские, в основном архаичные идеи и ценности с интересами властвующей элиты. Российская интеллигенция рассматривала элементы западной культуры не как самоценность или как элемент личностного саморазвития человека, а только как средство достижения определенно понимаемого блага для народа. Действия российской интеллигенции, по сути, были направлены скорее на «восстановление догосударственного (или с крайне слабой государственностью) крестьянского социализма, склонного превращать страну в конгломерат замкнутых, основанных на натуральном хозяйстве общин»¹. Об этом писал

и Н.А. Бердяев: «Общественный утилитаризм в оценке всего, поклонение “народу”, – то крестьянству, то пролетариату, – все это остается моральным догматом большей части интеллигенции»². Таким образом, можно констатировать, что в русском интеллигентском сознании преобладал преимущественно утилитарный компонент, идея либерализма «превращалась в чистое средство, лишенное своей самоценности, из него выхолащивалась сердцевина: нравственное содержание, философия либеральной цивилизации, каждый элемент либерализма вырывался из либерального контекста, рассматривался в совершенно иной культурной ситуации»³. Н.А. Бердяев в свойственной ему манере противопоставлений «тезисов и антитезисов» характеризует российскую интеллигенцию: «Интеллигенция наша дорожила свободой и исповедывала философию, в которой нет места для свободы, дорожила личностью и исповедывала философию, в которой нет места для личности, дорожила смыслом прогресса и исповедывала философию, в которой нет места для смысла прогресса, дорожила соборностью человечества и исповедывала философию, в которой нет места для соборности человечества, дорожила справедливостью и всякими высокими вещами и исповедывала философию, в которой нет места для справедливости и нет места для чего

бы то ни было высокого. Это почти сплошная, выработанная всей нашей историей аберрация сознания»⁴. Используя терминологию Н.А. Бердяева, можно констатировать «аберрацию либерализма» на российской почве.

Философский либерализм, доведенный до последнего предела, отрицает все виды социальных общностей – реальность государства, нации, человечества, способствует формированию никем не управляемой, неконтролируемой, деструктивной личности. При этом общество мыслится как момент интеракции личностей. И в своем желании довести государство до крайнего минимума и постепенно совсем упразднить либерализм смыкается вплотную с анархизмом, образуя так называемый абсолютистский либерализм. Весьма спорным является и утверждение относительно того, что либерализм является универсальным механизмом демократизации общественно-политической жизни. Опыт современной России убедительно демонстрирует сомнительность данного тезиса. Основной принцип либерализма – «laissez-faire» (от фр. *laissez-faire* – непротивление, попустительство) – на нынешнем этапе оказался почти полностью реализованным, что, однако, ничуть не способствовало демократизации общественной жизни. «Наверное, ничто так не навредило либерализму, – пишет Ф.А. Хайек, – как настойчивость некоторых его приверженцев, твердолюбо защищавших какие-нибудь эмпирические правила, прежде всего, “laissez-faire”»⁵. Очевидно, что человек уже с рождения является членом определенной социокультурной общности – семьи, общины, коллектива, общества, государства. Его деятельность и поведение регулируются определенными, принятыми в этой среде нормами и правилами. Следовательно, не имеет смысла говорить о какой-то естественной и абстрактной свободе, которая в реальном обществе никогда не существовала, да и не могла существовать. Осознавая свои права на свободу, человек должен осознавать и свои обязанности, то есть сознавать, что другие люди наделены не меньшими правами осознания своей свободы и способны требовать соответствующего встречного признания и уважения к своему праву. По мнению И. Берлин, «полная свобода волков – смерть для овец, а полная свобода сильных и одаренных несовместима с правом слабых и менее одаренных на достойное человеческое существование»⁶. Для обывателей невмешательство государства в их жизнь зачастую угрожает не только их демократическим свободам, но и попросту самому физическому существованию. Самоуклонение государства от организации общественной жизни и слабый государственный контроль с неизбежностью приводят к криминализации общества, хаосу и анархии, к ситуации, когда член общества оказывается просто не в состоянии реализовывать свои демократические права.

Полемика по поводу степени «социального» участия государства в жизни граждан, которая

происходила в начале XX в., ничуть не утратила своей актуальности и в наши дни. Формирование целостной творческой личности оказалось весьма проблематичным в связи с деформациями в системе нравственных и моральных норм общества; абстрагированием части населения страны от самобытной российской культуры. Действительно, либеральные ценности, привнесенные с Запада, явились в российских условиях ценностями, ориентирующими личность на исключительный приоритет материальных благ, на обогащение и потребление. В результате они оказались не только антигуманными и социально-фрустрационными, но и в некоторых случаях антигосударственными. Навязываемое внедрение извне своего рода «матрицы свободы» в конечном счете может привести к «взлому» национального суверенитета России, отстранению большинства граждан от реального влияния на механизмы принятия решений органами государственной власти. Тщетное ожидание благоденствия и благополучия, связанное с надеждой реализации западной либеральной модели общественных отношений, обернулось для населения массовым психологическим состоянием гнетущего напряжения, чувством безысходности и отчаяния. Сегодня общество реально сталкивается с последствиями этих ожиданий: от астенических до собственно стенических. Для одной части населения страны это попытке уйти от реальной ситуации в мир фантазий и грез (в апогее развития – создание и участие в деятельности антисоциальных объединений с инвертированной системой ценностей), для другой – проявление агрессии от гнева и деструктивных действий по отношению к отдельным представителям органов государственной власти до организации экстремистской деятельности, совершения террористических актов.

Свобода, воспринимаемая без каких-либо нравственных ограничений, превратилась в произвол. Государство в 90-е гг. XX в. оказалось не в состоянии гарантированно обеспечить безопасность граждан. В этой ситуации вполне обоснованной является необходимость действия охранительных институтов государства в рамках действующего права, в том числе и по противодействию терроризму. Соответствующий закон вступил в силу с 10 марта 2006 г.⁷

Сегодня, рассматривая либерализацию общественного сознания в современной России, можно заметить аналогию с либеральными реформами общественных институтов начала прошлого века. Актуальным вариантом общественного развития может стать стремление к построению в России некой неоконсервативной модели либерализма. Либеральная идея в современной России должна рассматриваться через призму обращения к государству не только с целью регулятивного и ограничивающего воздействия на развитие общественных отношений, но и одновременно правового обеспечения ценностного ориентирования личности. Возмож-

ность формирования устойчивых социальных отношений может быть осуществлена на основе ценностной консолидации общества, ядром которой является государство. В современных условиях жизнь российского общества в условиях обострившихся внутренних конфликтов и межэтнических противоречий не обслуживается должным образом либеральной идеологией. Так, В. Костиков уже в 2004 г. констатировал понимание высшим руководством страны деструктивного влияния либерализации общественных отношений на развитие личности в российских условиях: «Очевидно, что В.В. Путин разочарован в либерализме»⁸. Приоритеты квази- и псевдокультуры выражаются в том, что они играют основную негативную роль как в социализации человека, так и в дальнейшем формировании его как личности. Безусловно, что духовная пустота человека открывает возможность для активизации сил зла как непосредственно в нем, так и вокруг него. «Свобода в смысле абсолютного произвола, – писал С.А. Левицкий, – не есть еще свобода. Если бы она была возможна, она сделала бы личность рабой ее собственных иррациональных капризов»⁹. Конечно же, ослабление контрольно-регулятивной функции государства при смене идеалов и ценностей широких слоев населения, недостаточная способность общества, отдельных стран, в целом всего мирового сообщества регулировать сложные социальнополитические процессы как непосредственно в государствах, так и в мире создают реальную угрозу распространения особой формы политического насилия – терроризма. Терроризм используется в качестве средства политической борьбы не только в интересах государства или каких-либо организаций, но и в интересах отдельных групп лиц. Очевидно, что проблема противодействия терроризму сегодня как в России, так и по всему миру признается одной из первоочередных задач по сохранению и развитию человеческой цивилизации. А минимизация террористических угроз напрямую связывается с вынужденными ограничениями свобод граждан. О вынужденных мерах, которые смогли бы ограничить тотальную и иррациональную по своей сути эмансипацию личности в российских революционных условиях начала XX в., писал и апологет свободы А.И. Солженицын: «Если б не был царь слабак, догадался бы и он 9-го января в Петербурге ловить рабочих с хоругвями и лепить им бандитизм. И никакого бы революционного движения как не бывало»¹⁰.

Если попытаться проанализировать формально декларируемую и формально принимаемую роль свободы личности в общественном развитии и сравнить с реально существующей ситуацией на практике, подтвержденной статистическими сведениями, свидетельствующими о негативном влиянии либерального вектора развития общества на развитие личности, то можно прийти к неоднозначным выводам. Так, начиная с 1917 г. в условиях смены власти и гра-

жданской войны в российском социуме были разрушены ростки либерального образа мысли и жизни. В России были ликвидированы как духовно-философские, так и экономические институты старой власти. Например, Марк Ферро писал: «Получив после Октября всю полноту ни с кем неделимой власти, большевики и вовсе возомнили себя пророками: их видение было единственно верным, они во всем были правы... приходилось сообразовываться с поставленным партией диагнозом. Всякая не соответствующая ему история должна быть пересмотрена, так как любое сомнение, касающееся путей исторического прогресса, подрывало "линию" партии, да и само ее право на руководящую роль»¹¹. Непризнание революции и отказ от сотрудничества с Советами предопределяли как минимум вынужденную иммиграцию интеллектуальной элиты. «Разве Маркс и Ленин, – пишет А.И. Солженицын, – не учили, что старую буржуазную машину принуждения надо сломать, а взамен нее тотчас же создать новую?»¹² Применение репрессий, решительная борьба с враждебной буржуазной пропагандой были направлены на ограничение общественного влияния антисоветских сил, на минимизацию воздействия буржуазных идеологов на широкие круги интеллигенции, которые встали на путь признания революции и сотрудничества с советской властью. Статистические данные, свидетельствующие о том, что процессы либерализации общественных отношений в годы осуществления новой экономической политики, часто отождествляемые с предоставлением реальных свобод и гарантий гражданам, на самом деле реально отражали сведения об ужесточении уголовного преследования личности. Так об этом пишет А.И. Солженицын: «К октябрю 1923, уже в начале безоблачных годов НЭПа (и довольно далеко еще до культа личности) содержалось: в 355 лагерях – 68 297 лишенных свободы, в 207 исправдомах – 4816, в 105 домзаках и тюрьмах – 16 765, в 35 сельхозколониях – 2328 и еще 1041 несовершеннолетних и больных»¹³.

Мы можем говорить о возникновении некой стены отчуждения между основной массой населения страны и новой властью Советов. Власть, осознавая это, вынуждена была тотально контролировать не только экономику, но также социальную сферу жизни людей и бытовую культуру. Но такое положение не смогло просуществовать продолжительное время.

«После кошмара, вызванного амнистией 1953 года» – именно так характеризует профессор Ю. Рент данный период, отражая особенности исторической эволюции уголовно-исполнительной системы со второй половины прошлого столетия¹⁴. Однако принято считать, что «Хрущев, в отличие от Сталина, уделил внимание благосостоянию народа и допустил "управляемую" демократию»¹⁵. Предполагается, что и правоохранительная система была адекватна политическому режиму страны и находилась в состоянии

«оттепели». В эти годы повысилась значимость личной жизни, была предоставлена возможность реализации индивидуальных интересов и легализации материальной заинтересованности граждан, был нанесен первый серьезный удар по казарменному коллективизму общезжитий. Но помпезность в оценке деятельности Н.С. Хрущева сменяется скептическим отношением И.М. Клямкина, который оценивает реформы Н.С. Хрущева как недостаточные: «они всколыхнули общество, но не перепахали его, не сообщили ему новых импульсов, не зарядили другими, более современными видами энергии...»¹⁶. В СССР существовал латентный кризис общественно-политической системы: «В 1960–1970-х гг. конструктивные инициативы “снизу” перестали находить институциональную поддержку государства, а нередко стали наказываться»¹⁷. Хотя в период с 1960 по 1963 гг. влияние Н.С. Хрущева на развитие общественных и государственных институтов было максимальным и всеми этот период времени понимается как «хрущевская оттепель», при этом подразумевается, что до и после него правящий режим характеризовался значительно большей строгостью, доходившей до откровенной жестокости. Однако, во-первых, необходимо вспомнить массовый расстрел демонстрантов в 1962 г. в Новочеркасске, а во-вторых, изучить статистические сведения, которые свидетельствуют, что в «оттепель» «теплых отношений» было меньше, чем в последующий период «застоя». Правильнее говорить не об ужесточении, а об очевидной либерализации правоохранительной деятельности в целом и уголовно-исполнительной доктрины в частности, но только уже в «застойные» годы. Это значит, что декларируемая и популяризируемая мысль о либерализации общественных отношений 50–60-х гг. прошлого столетия должна быть скорректирована, в первую очередь в связи с более бескомпромиссным отношением к уголовному преследованию личности в сравнении со следующим периодом развития общественных отношений. Так, в 1961 г. к смертной казни было осуждено 1890 чел., в 1962 г. – 2159. Из каждых 10 тыс. осужденных приговаривали к исключительной мере 40–44 чел. В период же «застоя» этот показатель плавно снизился от 16,3 осужденных к высшей мере наказания в 1964 г. до 3,8 в конце 70-х гг. Даже из числа осужденных за умышленное убийство в 1963 г. (последний полный год правления Н.С. Хрущева) к смертной казни было приговорено 19,8%, тогда как в 1981 г. (последний полный год правления Л.И. Брежнева) этот показатель снизился до 11,6%. Несильно противоречит указанной тенденции и статистика численности заключенных в исправительно-трудовых учреждениях. В 1959 г. этот показатель в СССР составлял 846 147 чел., в 1975 г. – 860 540, в 1979 г. – 937 159¹⁸. Рост количества заключенных в целом пропорционален общему приросту населения.

К началу 1970-х гг., в период правления Л.И. Брежнева, была радикально изменена пенитенциарная политика государства. Она стала более гибкой и дифференцированной. Например, ограничение свободы и направление в лечебно-трудовые профилактории оформлялись не в качестве наказания, а в качестве принудительного лечения. Для отбывания наказания военнослужащими срочной службы, осужденными на срок до двух лет, использовались дисциплинарные батальоны, нахождение в которых засчитывалось в прохождение срочной службы. Даже непримиримый борец за либеральные идеалы В. Новодворская, содержащаяся в СИЗО «Лефортово», отмечала, что бытовые условия содержания в этом учреждении «почти дошли до уровня голландской тюрьмы»¹⁹.

В дальнейшем концепция монолитного единства советского народа и партии, братского сосуществования народов СССР вступала в противоречие с массовой рационализацией общественной жизни, и, как следствие, предполагалось, что возникала необходимость в уменьшении тотального и централизованного контроля над жизнью социума. Однако в условиях старых социокультурных ценностей советского общества этого сделать было практически невозможно. Весь период второй половины XX в. характеризовался стремлением руководства страны сохранить за СССР роль мирового лидера. Это задача воплощалась преимущественно в укреплении военной организации и увеличении военно-промышленного арсенала страны. Важное политическое значение приобрел факт создания ядерного оружия, угроза применения которого вынудила политический бомонд Запада допустить Советское государство к интегрированию в существовавшие международные структуры. Следующим этапом либерализации общественных отношений принято считать «косыгинскую» экономическую реформу. Именно в этот период впервые был создан прецедент активного государственного участия в развитии легкой промышленности, которое сводилось не к опеке, а наоборот, к предоставлению возможности проявления предприимчивости производственным учреждениям. «По крайней мере, – пишет В.В. Согрин, – косыгинские реформы допускали развитие инициативы и самостоятельности промышленных предприятий и колхозов»²⁰. Либеральные тенденции в экономике в итоге оказались антитезой официальной пропаганды. Брежнев не позволил Косыгину затмить идеологически выстраданное «детище», являющееся стержнем экономической политики СССР, – ускоренную индустриализацию: строительство все новых промышленных гигантов, создание и обслуживание масштабных транспортных коммуникаций. Движение страны по экстенсивному пути продолжало осуществляться. Курс развития государства сохранился и при М.С. Горбачеве, хотя и на XXVII Съезде КПСС обозначались при-

оритеты развития страны с опорой на достижения научно-технической революции. Однако в нашей стране существовала как идеология, категорически неприемлемая Западом, так и экономически слабая система хозяйствования. Основу экономики СССР продолжали составлять промышленные гиганты, имеющие низкую рентабельность и нуждающиеся в реконструкции. Пенитенциарная политика того времени хоть и характеризуется как более либеральная по сравнению с предыдущей, но при этом говорить о достижении серьезных результатов в укреплении гарантий законности и обеспечению прав личности не приходится. Подтверждение этого можно вспомнить криминальный беспредел и социальный хаос начала 1990-х гг., основой для развития которых стала массовая деидеологизация советского общества в конце 1980-х гг.

В наши дни сфера государственного участия в жизни общества реально меняется от утопических программ построения счастливого общества благоденствия к конкретным механизмам реализации социального прагматизма и рационализма. Очень часто современное направление развития общественных отношений отождествляется с антилиберальным и антидемократическим. Но тем не менее Федеральным законом от 28.12.2004 г. № 177-ФЗ уже с 1 января 2005 г. введен новый вид наказания в виде обязательных работ²¹. И в настоящее время к этим работам уже приговорено свыше 90 тыс. чел.²² А это есть реальная альтернатива уголовным наказаниям в виде лишения свободы. Однако в современных условиях при противодействии деятельности организаций экстремистской и террористической направленности очевидно, что необходимо жестко и своевременно действовать на упреждение негативного развития обстановки. Так, на начало 2006 г. в учреждениях УИС содержалось 1,7 тыс. осужденных за бандитизм и 4825 чел., осужденных за преступления террористической направленности²³. Именно вступившие в силу новые законы и указ Президента, определившие систему противодействия терроризму в стране, позволили стабилизировать обстановку. Общее число терактов в России в последние годы неуклонно сокращается. Председатель Комитета Государственной Думы по безопасности В.А. Васильев отмечает: «Если в 2005 году их было 257, в 2006 году – 112, то 2007 году – 41. Нейтрализованы наиболее одиозные лидеры бандформирований, в значительной степени удалось стабилизировать ситуацию в Чеченской Республике и в целом в Северо-Кавказском регионе»²⁴. Термин «персонификация» все чаще употребляется, не только в связи с ответственностью государства по отношению к гражданам, но и в связи с реализацией своих прав и обязанностей личностью в обществе. Процессы либерализации общественных отношений в России, действительно, невозможно однозначно

воспринимать как исключительно позитивные, направленные во благо личности. В настоящей статье мы попытались продемонстрировать, что либерализация общественных отношений реально может оборачиваться не только реализацией прав личности на деструктивную свободу, но и действительным ужесточением уголовного преследования, принуждением к обязанности личности нести ответственность за «воплощенные в жизнь либеральные послылы», что является неоспоримым фактом развития современного российского социума и требует признания.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ахиезер А.С. Российский либерализм перед лицом кризиса // *Общественные науки и современность*. 1993. № 1. С. 13.

² Бердяев Н.А. *Философская истина и интеллигентская правда* // Вехи. М., 1990. С. 7.

³ Ахиезер А.С. Российский либерализм перед лицом кризиса. С.13.

⁴ Бердяев Н.А. *Философская истина и интеллигентская правда*. С. 19–20.

⁵ Хайек Ф.А. *Дорога к рабству* // *Вопросы философии*. 1990. № 10. С. 123.

⁶ Цит. по: Гаджиев К.С. *Размышления о свободе* // *Вопросы философии*. 1993. № 2. С. 45.

⁷ См.: Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // *Российская газета*. 2006. 10 марта (№ 48). С. 8

⁸ Костиков В. *Выбор маршрута* // *Аргументы и факты*. 2004. № 40(1249). С. 4.

⁹ Левицкий С.А. *Трагедия свободы*. Франкфурт-на-Майне, 1984. С. 114.

¹⁰ Солженицын А.И. *Архипелаг ГУЛАГ*. М., 1990. Т. 3. С. 390.

¹¹ Цит. по: Щербатых Ю.В. *Искусство обмана*. М., 2001. С. 255.

¹² Солженицын А.И. *Архипелаг ГУЛАГ*. М., 1990. Т. 2. С. 9.

¹³ Там же. С. 18

¹⁴ См.: Реент Ю. *Отречение от темного прошлого. Эволюция уголовно-исполнительной системы со второй половины 60-х до конца 80-х годов* // *Преступление и наказание*. 2008. № 11. С. 43.

¹⁵ Согрин В.В. *Уроки российской истории и современные реформы* // *Вопросы философии*. 2002. № 11. С. 12.

¹⁶ Клямкин И.М. *Почему трудно говорить правду* // *Новый мир*. 1989. № 2. С. 235.

¹⁷ Заславская Т.И. *Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе* // *Общественные науки и современность*. 2005. № 4. С. 21.

¹⁸ См.: Реент Ю. *Отречение от темного прошлого. Эволюция уголовно-исполнительной системы со второй половины 60-х до конца 80-х годов*.

¹⁹ Там же.

²⁰ Согрин В.В. *Уроки российской истории и современные реформы*.

²¹ См.: Федеральный закон от 28 декабря 2004 г. № 177-ФЗ «О введении в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации о наказании в виде обязательных работ» // *Российская газета*. 2004. 30 дек. (№ 290). С. 12

²² См.: Васильев В.А. *Чтобы каждый чувствовал себя в безопасности* // *Преступление и наказание*. 2008. № 6. С. 11.

²³ См.: Калинин Ю.И. *Об организации работы по соблюдению прав лиц, содержащихся в местах лишения свободы* // *Преступление и наказание*. 2006. № 1. С. 5.

²⁴ Васильев В.А. *Чтобы каждый чувствовал себя в безопасности*. С. 12.